

СПЛАВ ДВУХ СТИХИЙ

Это может показаться невероятным: Маяковскому — девятьдесят лет! Его просто невозможно представить старым — в его-то неполные тридцать семь... в его вечные, в его бессмертные тридцать семь... «Маяковский — это жизнь...» — писал Луначарский. «Да, это был родник сил неиссякаемой жизнелюбности, и притом владеющей собою, схваченной крепкой волей. Это была жизнь в одном из ее предельных проявлений...».

«СТИХИ И РЕВОЛЮЦИЯ как-то объединились в голове» — еще в 1905 году — еще до своих стихов! — еще до своей революции!

В 1909-м — после полугода в бутылской одиночке — уже совершенно сознательно: «Хочу делать социалистическое искусство». И — как по-маяковски выраженной! Уходя из «нелегалов» в художники, Маяковский не уходил от революции, но — лишь менял способы борьбы за нее...

Но тут — Бурлюки. Футуризм. Желтая кофта... Футуристический эксперимент много дал молодому Маяковскому — сформировал его во многом. Но главное — было свое — и во многом же резко отличное от футуристического восприятия мира, жизни, искусства. Их «слово как таковое» (и только!) было узко для него, не отвечало его поискам новых форм — чтобы суметь выразить переполнявшее его живое, мощное ощущение того, что мир вот-вот должен измениться — «до основания, а затем...». В его лице на свет являлся новый тип поэта — с новой общественной позицией, а значит — и с новой поэтикой. В этом-то и суть глубинных отличий новаторства Маяковского («врожденного», так сказать) от заимных (с итальянского) новаций футуристов (за исключением самобытнейшего В. Хлебникова)...

«В них что-то есть», — почувствовал в свое время Горький. Но затем вынужден был уточнить: у них что-то есть. Этим «чем-то» и был Маяковский...

ЛЕРМОНТОВА, как и Пушкина («сброшенного» футуристами «с парохода современности»), Маяковский знал с молодых ногтей. Для уроженца средней полосы Лермонтова Кавказ был романтической темой. Для Маяковского тот же Кавказ — всего лишь повседневность детства (и надо было делать усилие даже для иронического приятия его романтичности); для молодого Маяковского романтической темой стал — большой город (столь прозаичный для всякого горожанина). Причем эффект романтизации выразился в том, что Город у Маяковского куда более индустриализирован и даже... урбанизирован, чем, скажем, реальная Москва того времени, с которой молодой поэт и писал свои первые лирические пробы...

Очень скоро Маяковский пришел к отрицанию того бесчеловечного порядка вещей, который характерен для капиталистического города вообще. Но вещи сами по себе, понимал он, тут ни при чем — виноваты не вещи, а люди, чьи души умерщвляют собственнический уклад жизни...

В борьбе за душу живую и рождается один из шедевров раннего Маяковского — поэма «Облако в штанах». Горький, прослушав ее в авторском чтении, был потрясен до слез. Такой трагической силы исполнена эта поэма о неприятии лжи старого мира и о правде большого человеческого чувства. Глав-

ная ценность мира для Маяковского — человек, а главная ценность человека — его сердце. Этому посвящены его поэмы «Человек» и «Война и мир», многие отдельные стихотворения той поры...

Конечно, не один Маяковский слышал надвигающийся гул исторических катаклизмов. Рядом обывающий гул вслушивался — и предугадывал «иные перемены, невиданные мятежи». Александр Блок. Таких разных — их как-то связывало это предощущение революции. А потом — связала, по-прежнему разных, — и сама свершившаяся революция. И побывавший на премьере «Мистерии-буфф» Блок записал в дневнике: «Никогда этого дня не забыть». А самому Маяковскому с восторженной и безжалостно трезвой горечью сказал: «Мы были очень талантливы, но мы не гении. Вы нас отменяете».

Нет, разумеется, никого он не отменял. Но — так казалось тогда. И тогда — правильно казалось, что не помещало, между прочим, тому же самому «отмененному» Блоку создать свой шедевр революционной поэзии — поэму «Двенадцать» (в снежной сумятице которой, кстати, мелькает ведь и тень Маяковского...)...

САМОМУ Маяковскому очень скоро стало ясно: только «петь революцию», — мало, надо повседневным способствовать успеху ее практических дел и задач. Не гнушаясь никакой работы, поэт, «ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный, ушел на фронт...» — на фронт повседневной борьбы за торжество Советской власти — в «Окна РОСТА».

Эта работа — при всей ее очевидной второстепенности и даже как будто необязательности в творческом наследии поэта — дала ему необычайно много, и главное, пожалуй, что она дала ему, — это народность самой высокой пробы. Народность — совершенно уникальную по масштабам. Первым произведением, исполненным этой небывалой прежде народности, стала поэма «150 000 000». Вот что вспоминает о первом авторском чтении этой поэмы в большой аудитории Политехнического одна из современниц поэта: Маяковский «становился почти явлением природы, чем-то вроде грозы или землетрясения», — так отвечала ему аудитория всем своим затаенным дыханием, всем напряжением тишины и — взрывом голосов, буквально, не метафорически, — громом аплодисментов. К знакомым с детства стихам — огню, ветру, воде — прибавилась новая, которую условно называли «поэзией». Но которую, добавим от себя к этому свидетельству, можно было бы назвать «Маяковский»...

Нет, это была не одна, это были две стихии — это был необычайный сплав двух стихий: в Маяковском, как заметил Александр Фадеев, «впервые в истории мировой поэзии соединились вместе, слились воедино поэзия и коммунизм».

Лирический герой Маяковского — революционер. Но не романтический бунтарь, разрушитель старого, а — практический работник революции — труженик-творец, зодчий и строитель новой жизни (герой не романтический уже, но реалистический, более того — социалистический).

Этот новый герой — как и его автор — полон ис-

к 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского

торического оптимизма. Даже в сатире зрелого Маяковского советского времени, где выставлена на осмеяние разная людская дрянь, затрундившая наш и без того «труднейший марш в коммунизм», — даже в произведениях этого рода явственно звучит бодрость человека, уверенного в своей правоте и в грядущей общей победе.

Этим же оптимизмом пронизан и гуманизм Маяковского, — в частности, на «слово ласковое» (которого подчас так не хватало

у поэта), — в ПРОГРАММНОМ «Разговоре с фининспектором о поэзии» содержится глубокое раздумье о долге поэта:

Долг наш —
реветь медногорлой сиреной
в тумане мещанья,
у бурь в нипенях.
Поэт
всегда должник Вселенной,
платящий на горе
проценты
и пени.

Это традиционное для всей русской литературы понимание нравственного долга писателя, поэта, художника вообще. Так понимали его Достоевский, Толстой, тот же Блок... Русский поэт — в ответе за все, что происходит в мире. Именно это имел в виду Маяковский, а вовсе не ту «поэтизацию страдания», которую, поморщившись, углядел тут Горький...

Горький призвал писать книгу о радости. Маяковский и писал. Книгу за книгой — о радости. «Я себя советским чувствую заводом, вырабатывающим счастье». Но и «вырабатывая счастье», поэт не забывал о горе, которое еще не изжито в мире, которым еще расплачиваемся мы и за счастье же... (помнит поэт о той «единой слезинке» бедного ребенка у Достоевского).

Маяковский всем сердцем откликался на героизм самопожертвования людей, идущих на величайший исторический подвиг во имя торжества революции. «Я счастлив, что я этой силы частица...» (вот еще один источник счастья). И, подобно Ленину, поэт «к товарищу милел людскую лаской», нес ему «слово ласковое, человечье». Именно таким необходимым в горе «человечьим словом» стала для всего осиротевшего мира поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин» — поэма скорби и долга, боли и мужества («Больно? Пусть, живешь и болью дорожишь»). Это величайший по сей день памятник нашей словесности — нашему вождю.

В ОДНОЙ из вступительных строф поэмы «Хорошо!» Маяковский писал, оглядываясь на все прожитое за десять лет революции:

Это было
с бойцами,
или в сердце
в сердце было
моим.

Каким же огромным было сердце поэта, сумевшее столько всего вобрать в себя, — и столько вернуть, но уже — поэзией!

Поэзией, по сей день потрясающей миллионы сердец.

По сей день потрясающей...

Р. ДЕРИГЛАЗОВ.

МУЗЕЙ ПЕВЦА РЕВОЛЮЦИИ

В центре Москвы — проезд Серова, 3 — расположен Государственный музей В. В. Маяковского. В доме, где находился музей, поэт жил и работал с 1919 по 1930 годы. Здесь все связано с его жизнью и творчеством. Свыше 2000 экспонатов, среди которых много уникальных, размещены в залах музея. В его фондах хранятся 68 записных книжек поэта, 12 томов рукописей, более 1000 мемориальных вещей. Интереснейшее место музея — мемориальная комната, где все восстановлено так, как было при жизни поэта. В предьобильные дни сотни посетителей побывают в музее пролетарского поэта.

НА СНИМКЕ: в одном из залов музея.

Фотохроника ТАСС.

В КИНОТЕАТРЕ ЕГО ИМЕНИ

В дни, когда жил и творил В. Маяковский, документальный кинематограф только набирал силу. Поэтому не так уж много сохранилось кинокадров, запечатлевших великого поэта революции. Тем ценнее дошедшие до нашего времени кинодокументы, сохранившие для потомков его живой облик.

На основе этих уникальных кадров студия «Менфильм» сделала хроникально-документальный фильм «Во весь голос». Пять частей ленты, созданной сценаристом Ю. Прохоровым и режиссером В. Вол-

ковичем, вместили в себя яркие страницы из жизни поэта-трибуны. Мы видим его в разные моменты жизни: на литературных вечерах, во время диспутов, среди читателей.

В дни празднования юбилея поэта лента «Во весь голос» вышла на новосибирский экран. В минувшее воскресенье ее с большим интересом смотрели многочисленные посетители Завельцовского парка культуры и отдыха. Сегодня она демонстрируется в крупнейшем кинотеатре города, носящем его имя.

«КЕМ БЫТЬ?» И ДРУГИЕ

К юбилею великого советского поэта библиотеки города подготовили книжно-иллюстративные выставки. Во многих из них состоятся литературные вечера, беседы и лекции о певце революции.

Детская библиотека им. Крупской отмечает 90-летие поэта книжной выставкой «Маяковский — детям». Здесь любимые детворой книги «Что такое хорошо и что такое плохо?», «Кем быть?», «Конь-огонь» и другие стихотворения, которые читало и изучало наизусть не одно поколение советских людей.

Сегодня гостями библиотеки стали школьники, отдыхающие в городском пионерском лагере. Они пришли сюда вместе с воспитателями и пионервожатыми на утренник, посвященный В. Маяковскому. Состоялась беседа о литературном наследии поэта, адресованном детям. Ребята читали стихи Маяковского. Состоялась викторина по его произведениям.

В библиотеке им. Светлова, что на улице Маяковского в Первомайском районе, открыта выставка «Путь Маяковского к Октябрю». В экспозиции — произведения поэта, литературоведческие работы, исследующие его творчество, публикации о нем в периодической печати.

Сегодня в библиотеке с тематическим обзором «Маяковский и театр» выступает старший библиотечник Н. И. Софронова.

ТРИ ВСТРЕЧИ С ПОЭТОМ

Любовь нашего народа к Маяковскому со временем не угасает. Поэт и сегодня вместе с нами шагает в «коммунистическое далекое» и «как живой с живыми говорит» «во весь голос».

Мне хочется поделиться впечатлениями от встречи с поэтом на его массовых публичных выступлениях, где он читал свои стихи...

Было это в 1927 году. Наша страна отмечала десятилетие Великого Октября. Я тогда учился в Ленинграде. В летние каникулы ехал на производственную практику в Сибирь. Остановился в Москве. На рекламных щитах были расклеены афиши, извещающие о выступлениях Маяковского: он будет читать свою новую поэму. Больших трудов стоило попасть на этот вечер. Помог студенческий билет Ленинградского комвуза...

И вот переполненный большой зал Политехнического музея. У меня входная контра-

марка. Устроился прямо на полу вместе с другими такими же контрамарочниками. Сидели неудобно, но зато близко к сцене!

Минутой томительного ожидания... И вдруг — взрыв восторженных аплодисментов. На сцену вышел Маяковский, держа в руках маленькую книжечку. Когда смолкли аплодисменты, он произнес лишь одно слово:

«Хорошо». И сразу начал читать:

Время — вещь необычайно длинная...

Голос громкий, дикция четкая, книжечку он держал в левой руке и почти не глядя в нее, лишь листая страничку за страничкой. Стояла напряженная тишина. Перед нами проходила история Великого Октября.

Триумфом были заключительные строки поэмы. Он прочитал их с большой силой и очень громко.

Зал, стоя, гремел аплодисментами. Маяковского долго не отпускали со сцены. Он салютовал рукой, уходил и снова возвращался...

Владимир Владимирович не только читал стихи, он беседовал с аудиторией, отвечал на многочисленные вопросы. Когда просили почитать сверх программы, читал короткие стихи А. Блока, А. Ахматовой, С. Есенина.

Эта встреча запомнилась навсегда. Прошло 55 лет, а я и сегодня явственно вижу его, всю картину того вечера.

Вторая встреча с Маяковским была в начале апреля 1930 года в Ленинграде. В Доме печати экспонировалась его выставка «20 лет работы». Здесь в нескольких комнатах были выставлены плакаты «Окна РОСТА», другие виды изобразительной продукции, газеты, журналы, в коридорах помещались стихи, книги поэта и многое другое. Мне посчастливилось быть на открытии выставки.

В зале Дома печати собрались писатели, журналисты, артисты, почитатели таланта поэта. Вечер открыл Константин Федин. Он произнес короткое вступление, а потом сказал: — А теперь слово юбиляру! На сцене появился Маяковский. Когда зал утихомирился, он просто сказал:

— Я прочитаю вам вступление к новой поэме «Во весь голос» о пятилетке, — и начал: Уважаемые товарищи потомки!..

— Нет, не так, — улыбнулся он, и снова начал, но уже не так громко.

И с каждой новой строчкой голос его набирал силу, звучал четко, все сильнее захватывал аудиторию. Он как будто действительно топал «по звеньям пятилетки».

Патетически громко прозвучали заключительные слова поэта:

Явившись в Це Ка Ка идущих светлых лет, Над бандой поэтических врачей и выкиг Я подыму,

Как большевистский партбилет, Все сто томов Моих Партийных книжек.

И цифра эта — не поэтический образ. При жизни поэта было издано или подготовлено к печати 99 книг на русском языке.

И еще довелось мне быть на одном митинге, но то уже траурном. 14 апреля 1930 года в Ленинград пришла печальная весть о смерти поэта.

15 апреля в Доме печати состоялся траурный митинг. Народу пришло столько, что поместить всех. Руководители писательской организации вышли на балкон, а аудиторией стала набережная у Дома печати.

Такие вот были встречи. Проходят годы, десятилетия со дня смерти поэта. Но не умолкает голос трибуны-агитатора, певца революции и родного Отечества.

Маяковский вместе с народом идет в «коммунистическое далекое».

Д. ПИКУЛЕВ.